

Му Цинъянь отнеслась к её словам с недоверием и невольно одарила её глубоким, пронзительным взглядом.

— Вот оно что. — Му Цинъянь, казалось, что-то припомнила. Она опустила глаза, а затем вновь подняла их, одарив Аньлэ доброй, улыбчивой маской. — Впрочем, мне кажется, что одних извинений недостаточно — нужны дела. Как насчет того, чтобы я подарила тебе комплект одежды в знак примирения?

Аньлэ нахмурилась:

— Одежды? Женской? — Носить женские наряды — это же сплошная морока, но, с другой стороны, это ведь всё-таки одежда, верно? Поразмыслив так, она кивнула.

— Ладно... только пусть она не будет слишком вычурной, — неохотно согласилась Аньлэ. В этот момент она впилась взглядом в края платья Му Цинъянь с широкими рукавами. Стоило ей представить, что нечто подобное окажется на ней самой, как в её глазах проступило нескрываемое отвращение.

За годы управления мастерской Жолин её вкус был доведен до совершенства местными мастерами. Наряд Му Цинъянь, хоть и был однотонным, отличался чрезмерно вызывающим кроем. На самой Му Цинъянь он смотрелся как излишество, но на Аньлэ эффект мог выйти совсем иным. Возможно, она стала бы похожа на девицу, что стоит на балконе и машет веером прохожим: Эй, господин, заходи развлечься! Аньлэ передернуло, и она постаралась отогнать эти мысли.

Му Цинъянь прекрасно видела отвращение в глазах собеседницы. В душе всколыхнулось раздражение, но, вспомнив о своей цели, она заставила себя сдержаться.

— Прекрасно, я сейчас же принесу его. — Му Цинъянь многозначительно приподняла бровь и развернулась, чтобы уйти.

Выйдя из усадьбы, она замедлила шаг. Её правая рука едва заметно дернулась, и из широкого рукава в ладонь скользнул небольшой сверток. Внутри была та самая одежда, в которой Аньлэ пришла сюда, но возвращать её она больше не собиралась.

Хм, посмела воротить нос от её вкуса? Изначально она просто хотела немного подшутить, но теперь изменила решение. Пусть побудет у неё, поиграем подольше.

В конце концов, святошей она никогда не была.

Губы Му Цинъянь тронула легкая усмешка.

Аньлэ была подавлена. Очень подавлена.

Последние несколько дней Юэ-эр смотрела на неё как на извращенку.

С тех пор как она, вынужденная обстоятельствами, надела подаренное Му Цинъянь платье со шлейфом, её жизнь превратилась в ад.

Она не умела делать женские причёски, поэтому её длинные волосы просто рассыпались по плечам. Несмотря на это, Му Цинъянь с улыбкой уверяла её, что она прекрасна, ведь каждая девушка — маленькая фея. Аньлэ, польщенная этими словами, расцвела. Ей показалось, что в медном зеркале всё видно нечетко, поэтому на следующий день она припустила к озеру, где впервые встретила Му Цинъянь, чтобы полюбоваться своим отражением. И даже то, что она споткнулась о собственный подол четыре раза, не охладило её пыла.

Когда она увидела воду, то была поражена собственной красотой. Это было действительно красиво — утонченно и благородно. Впервые за восемнадцать лет она оделась как девушка, и в облике проступила девичья грация.

Но стоило ей получше рассмотреть, во что она наряжена, как улыбка застыла на губах. Это обилие цветочных узоров...

Когда она одевалась, то не придавала этому значения, но теперь, глядя на свое отражение, она едва не решила, что стала пионовой феей, только что достигшей просветления!

Аньлэ задыхнулась от возмущения. Что бы она ни просила, ей подсовывали ровно обратное. Эта женщина, Му Цинъянь, определенно сделала это нарочно! И откуда она вообще взяла это платье? Оно совершенно не соответствовало её обычному стилю. Аньлэ могла поклясться, что этот вульгарный наряд даже сама Му Цинъянь в жизни бы не надела! От одного взгляда на эти цветы — на плечах, на груди, на рукавах — у неё начинали болеть глаза. В её прошлой жизни в двадцатом веке даже в дешевых сериалах не решились бы использовать такие костюмы!

Ладно, ладно. Говорят, человек красит одежду. В конце концов, раз уж небо дало ей такую фигуру, значит, она справится. Она сможет это носить...

Аньлэ продолжала заниматься самовнушением.

Больше всего её ранило то, что взгляд Юэ-эр, который поначалу выражал восхищение, постепенно сменился испугом, а затем — откровенным подозрением в помешательстве.

— Господин Ань, почему вы так одеты? — начала Юэ-эр с явным отвращением.

— Всё потому, что моя одежда пропала. — Поскольку взгляд Юэ-эр был слишком пристальным, лицо Аньлэ вспыхнуло, и в её голосе, помимо обиды, промелькнула нотка смущения.

— Господин Ань, как мужчина может носить женское платье! Вы же мужчина! Мужчина должен быть твердым и решительным, как же вы дошли до такой низости? — Юэ-эр говорила тоном, полным разочарования.

— Я... низости? — Что за уверенный тон? Ты что, грудь не видишь?!

Аньлэ решительно возразила:

— Вообще-то, я женщина!

— Что? — Юэ-эр вытаращила глаза, не веря своим ушам. Она оглядела её с ног до головы, приложила ладонь к её лбу, затем к своему.

Не обнаружив ничего подозрительного, она принялась яростно трясти Аньлэ за плечи, попутно пощипывая её за щеки, словно надеясь встряхнуть правду.

— Господин Ань, это Сяо Бай снова напроказничал и принес вам ядовитых ягод? Выплюньте, скорее выплюньте! О боже, вы уже бредите... Госпожа, идите скорее сюда! Господин Ань серьезно болен, он начал носить женское платье и нести всякую чепуху! — Отпустив Аньлэ, она помчалась искать свою хозяйку.

Аньлэ, у которой перед глазами летали искры, была в полном отчаянии.

Нельзя винить Юэ-эр в недоверии. Она была консервативной служанкой и никогда не видела таких, как Аньлэ — девушек, которые носят женскую одежду, но ведут себя как неотесанные мужланы и даже не могут собрать волосы в причёску. Уж она-то знала: даже дочери из обычных семей с шести-семи лет учились этому, ведь скромность и изящество — долг каждой женщины.

Наконец, помощь, которую звала Юэ-эр, прибыла.

Му Циньянь взглянула на Аньлэ и невозмутимо протянула рецепт:

— Хм, ничего страшного. Полагаю, это побочный эффект после того, как Сяо Бай сбросил её с дерева и она ударилась головой... Юэ-эр, иди, приготовь отвар.

Да вы издеваетесь! У вас сердца вообще нет? Никто не хочет помочь объяснить, что это недоразумение?! А эта Му Циньянь, она же нагло врет в глаза!

Аньлэ дрожащим пальцем указала на них обеих, не в силах вымолвить ни слова.

Люди всегда спешат исполнить волю красавицы, и Юэ-эр не стала исключением. Судя по тому, как она энергично закатывала рукава, она уже готова была бежать к плите. И даже если Аньлэ

вздумает отказаться, придется спросить согласия у тех двух кухонных тесаков, которыми Юэ-эр постоянно пользовалась.

Слова нельзя бросать на ветер, а лекарства — глотать без разбора.

Она ведь здорова, что за снадобье прописала Му Цинъянь?

Отказываться бесполезно — Юэ-эр была гораздо сильнее её... По крайней мере, пусть она хотя бы морально подготовится.

Аньлэ горестно нахмурилась, в её голове крутились тысячи мыслей.

Её взгляд невольно упал на Му Цинъянь. Та, на удивление, отбросила свою обычную игривость и тихо сидела за столом, внимательно изучая медицинский трактат.

Действительно, век живи — век учись.

Выписала рецепт, так еще и решила усесться здесь. Неужели она собирается прочитывать этот увесистый том прямо сейчас?

Аньлэ пару раз кашлянула и, притворившись, что ничего особенного не происходит, подошла ближе, косясь на лежащий рядом рецепт.

Почерк был мастерским, изящным, словно полет ласточки. Очень красиво.

Но содержание...

Этого она стерпеть не могла!

Лицо Аньлэ посинело, она с грохотом ударила по столу:

— Ты... я так больше не могу! Я ухожу отсюда!

Му Цинъянь подперла щеку рукой, её губы изогнулись в улыбке, а глаза с насмешкой следили за ней.

Аньлэ поняла: это вызов от коварной женщины. И противопоставить ей было нечего.

Как же она бесила!

Она не знала, что будет после приема этого лекарства, но, увидев названия некоторых ингредиентов, почувствовала, как ей становится дурно.

В рецепте было указано «у-лин-чжи»! Она что, думает, что Аньлэ неграмотная? Она здорова, зачем ей есть крысиный помет?!

«Тень»

Вернемся на семь-восемь дней назад.

— Вторая госпожа, господин очень сообразителен, к тому же у него полно защитных амулетов, с ним ничего не случится... А вот мы — ищем столько времени, но не то что господина, мы даже дороги найти не можем! Может, лучше отступить, найти место для ночлега, а потом придумать план? — Я-эр смотрела на девушку, от которой исходил леденящий холод, и чувствовала бесконечное бессилие. С одной стороны, она переживала за эту упрямицу, с другой — их окружала странная, пугающая лесная чаща, та самая, куда обезьяна утащила Аньлэ.

Это место было не просто проклятым — каждые полчаса из земли поднимался густой туман, сбивающий с толку. Если продолжать идти, можно было познать истинный смысл отчаяния. Например, сейчас... Я-эр уже сбилась со счета, сколько раз они проходили мимо этого старого дерева, чьи ветви напоминали скорбящую вдову.

Она была опытной служанкой и понимала: это не природный миазм, а искусственно созданный лабиринт. Тот, кто его расставил, вряд ли желал им добра. Если повезет — выйдешь сам, если нет — станешь удобрением для местных цветов, и никто не узнает, где ты сгинул. И пока что удача явно была не на их стороне.

В отличие от Ань Цзин и Му Линь, которые готовы были рискнуть жизнью ради Аньлэ, Я-эр была более рассудительной. Хотя её жизнь принадлежала Аньлэ с того самого момента, как Му Жун Пинь передала её на попечение, и она была готова умереть вместе с ней, Я-эр не была предательницей. Она даже носила с собой нож, чтобы в случае чего покончить с собой. Вырастить Аньлэ было непросто, и она всегда была готова к худшему. Но, по правде говоря, вряд ли это пригодится — она никогда не слышала, чтобы обезьяны ели людей. Она знала Аньлэ как облупленную: если та толстая обезьяна не скормила её сразу кому-то, то, очнувшись, Аньлэ первым делом спустит с этой обезьяны шкуру!

Единственное, что её беспокоило — не умрет ли Аньлэ от голода, пока они её найдут. Ведь она привыкла жить в роскоши, даже курицу в жизни не убивала...

Однако Я-эр и представить не могла, что Аньлэ не только не умерла, но и благодаря белым одеждам, в которых была в тот день, умудрилась найти себе бесплатное питание на долгий

срок.

— ... — Ань Цзин остановилась, её лицо было холодным.

Двое суток без сна и отдыха. Трое из них не ели и не пили.

Ань Цзин обладала глубокой внутренней энергией, Му Линь держалась неплохо, лишь слегка побледнев, а вот Я-эр, зная лишь основы боевых искусств, была на грани. Она выглядела как древний труп, а под глазами залегли темные тени. В душе она роптала, но, стоило ей взглянуть на ледяное лицо Ань Цзин, как она тут же затыкалась... Она боялась, что Ань Цзин поймет, что от неё нет никакой пользы, и просто прирежет её, чтобы не замедляла ход.

Говорят, от осинки не родятся апельсинки. Раз уж мать Ань Цзин, Син Аосюэ, была такой жестокой, могла ли вторая госпожа быть по-настоящему доброй? К тому же, она прошла испытания тайных стражей.

Тайные стражи — это последняя карта генеральского поместья. Для сохранения власти они делали всё: убивали, грабили, выполняли самую грязную работу. И Ань Цзин, будучи дочерью Син Аосюэ, пробилась на вершину через кровь и плоть других претендентов. Это была не та женщина, с которой можно шутить.

Я-эр всегда тревожило, что её госпожа так тянется к Ань Цзин. Ей казалось, что та подслана Син Аосюэ, чтобы выведать их секреты... хотя, если подумать, какие у её госпожи секреты?

Му Линь тоже понимала, что бесцельные поиски ни к чему не приведут, и осторожно спросила:

— Сестрица Я-эр, есть ли у вас план, как выбраться?

Я-эр, чувствуя неуверенность, кашлянула:

— Наверное... У меня много связей. Люди — это сила, втроем мы здесь просто иголку в стоге сена ищем.

Звучало неубедительно. Трое замолчали.

Заметив, как помрачнело лицо Ань Цзин, Я-эр вжала голову в плечи. Похоже, отступление отменяется — вторая госпожа никогда на это не пойдет. Придется смириться с ролью удобрения.

И тут Ань Цзин заговорила:

— Пусть будет так.

Я-эр подумала, что у неё галлюцинации от голода:

— Э? Вторая госпожа, вы только что...

— Я сказала, пусть будет так, если мы сможем найти дорогу... — В глазах Ань Цзин блеснул решительный огонек.

Получив согласие, Я-эр воспряла духом, словно ей влили порцию жизненной энергии.

Но даже боги не выдержат этого бесконечного пути...

Спустя два часа, когда вновь опустился туман, Му Линь внезапно остановилась.

— Что такое? — без сил спросила Я-эр.

— Мне показалось, кто-то зовет нас, — нахмурилась Му Линь.

— Быть того не может! Сестрица Му, вы, должно быть, бредите. В этом месте, где даже птицы не летают, уже чудо, что мы вдвоем живы, — Я-эр, которая минуту назад была при смерти, теперь заливалась смехом.

Она повернулась к Ань Цзин:

— Вторая госпожа, вы слышали? Сестрица Му говорит, кто-то нас зовет, ха-ха-ха!

Му Линь обиделась. Она ведь точно слышала.

— Голоса действительно были, — нахмурилась Ань Цзин.

Я-эр на мгновение замерла, а потом у неё на глазах выступили слезы:

— Я тоже слышала... Моя бабушка говорила, так призывают души умерших... Неужели мы при смерти, и посланники из подземного мира пришли за нами, чтобы мы не умерли с голоду по дороге на мост Найхэ?

Ань Цзин и Му Линь привыкли к её странностям.

— Неизвестно, враги это или друзья. Не отзывайтесь, пойдем на звук, — приказала Ань Цзин.

— Есть, вторая госпожа. Но сестрица Я-эр... — Му Линь посмотрела на неё с сомнением.

Я-эр уже закатила глаза и, казалось, вот-вот упадет в обморок.

Ань Цзин вздохнула. Поза была нелепой, игра — плохой. Видимо, Я-эр просто устала.

— ...Наверное, упала в голодный обморок. Сестрица Му, возьми её на спину, а я пойду вперед,
— Ань Цзин обнажила меч и двинулась вперед, внимательно прислушиваясь к каждому звуку.

Глядя на Я-эр с четырьмя тяжелыми свертками, Му Линь стиснула зубы, подхватила её и поспешила за Ань Цзин.

Её сердце кричало: «Как же ты тяжелая!»

— Господин! Вторая госпожа! Я-эр! Сестрица Му! — Крики не утихали.

Ань Цзин прикинула, что до них всего несколько чжанов. Из-за тумана были видны лишь три смутные фигуры.

— Ррр... Гав! Гав! Гав! — Раздался злобный лай.

Там еще и собака...

Ань Цзин досадливо нахмурилась. Она шла очень осторожно, но собака с острым нюхом всё-таки её учуяла.

— А-Ван, что случилось? Ты что-то нашел? — раздался мягкий, мужской голос, полный спокойствия.

Ань Цзин крепче сжала рукоять меча, её взгляд стал острым. Она была готова к бою.

<http://bllate.org/book/21755/2249618>